

Вот так живёшь, не думаешь, не знаешь,
полжизни собираешь всякий хлам
и ни о чём таком и не мечтаешь,
а где-то там

всё решено: обветренные губы
студёный, влажный воздух пьют, и вот
как медяки начищенные трубы
трубят поход.

Звучит в ночи протяжное “По коням!”
И всадники садятся в сёдла, чтоб,
небесный свод, как стяг, держа в ладонях,
пойти в галоп.

И тотчас же приходит всё в движенье,
торопится, волнуется, летит.
Ты чувствуешь уже их приближенье –
они в пути.

И пишутся божественные строчки
под гром копыт, под лошадиный хрип.
И тает лёд, и лопаются почки
набухших лип.

И вот тогда, неведомо откуда
пришедшее нежданно, верь не верь,
услышишь сам, как маленькое чудо
стучится в дверь.

В МУЗЕЕ

Метафора амфоры,
древнего быта осколки –
аллюзия времени.
Музейная пыль сродни
космической пыли.
Тени исчезнувших цивилизаций
взывают из темени
прошлого: стойте!
Мы тоже когда-то, как вы,
любили, мечтали,
мы были!

Воины и мореходы,
простые крестьяне, строители...
Мастер, корпевший над статуей,
как твоё имя?
Мира навеки ушедшего
безымянные жители
смотрят на нас с фаюмских портретов
глазами живыми.

ЛЁТЧИК

Стрелой пернатой, камнем из пращи
взмываю ввысь – ищи меня, свищи!
В порыве вдохновения, в азарте
я поднимаюсь выше облаков.
Ещё, казалось, здесь – как был таков!
Уже лишь точка на планшетной карте.

Я невесом и лёгок, словно пух.
От скорости захватывает дух.
Здесь дальше горизонт и ярче звёзды.
Крылом поймав воздушную струю,
я ей дышу и пьяный ветер пью,
винтом железным вспарывая воздух.

Смотри за мной внимательней, дружок.
Я совершаю затяжной прыжок
с земли до неба. В голубом атласе
небесных сфер летит мой самолёт:
как птица, кувыркается и вот –
ныряет вниз и выпускает шасси.

ЧЕРНОВИК

Утро, похожее на черновик:
слово, ещё одно слово, помарка.
Комната, лестница, улица, арка,
выход во двор, переулок, тупик.
Годы... зачёркнуто. Счастье... зачёркнуто.
Будто с ног на голову перевёрнута
жизнь. Холодок от реки.
Кухонных диспутов крестики-нолики,
чайник на шатком, обшарпанном столике
пишутся с новой строки.
Где я? Забор в рыжеватой окалине.
Богом затерянный дом на окраине.
То ли Братеево, то ли Чертаново.
Всё переписано. Начато заново.

БОГ, В КОТОРОГО Я НЕ ВЕРЮ

Бог, в которого я не верю, всё же хочет меня спасти:
держит за руку, подстилает соломку. Сжимая в горсти,
как воробышка, в тёплых ладонях меня несёт.
Пылинки с меня сдувает и думает, что спасёт.
В бездорожье указывает мне путь, говорит – иди!
Если я оступлюсь, упаду, он поднимет, прижмёт к груди,
улыбнётся усталой улыбкой и скажет: "Ну что ж ты, родной?
Не ушибся? Вставай! Дай-ка я тебя пожалею, маленький мой."
От ненастья укроет меня, даже если я не просил.
И когда меня оставляют силы, даёт мне сил.
В самых тёмных моих закоулках включает свет.
Бог, в которого я не верю. Которого нет.

БОГИ

Боги тоже стареют и умирают,
Их голоса слабеют,
становятся глуше и постепенно
умолкают совсем.
Они уходят,
оставляя нас в безверии
и одиночестве.
Так в земной коре возникают каверны,
на дне при отливе открываются взору пустоты,
и в космосе образуются чёрные дыры.

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА

Ищу человека. По следу
по белому свету иду.
За ним зябкой полночью еду.
На станции с поезда жду.
Повсюду, везде, повсеместно.
Неделю, и месяц, и год.
Мне имя его неизвестно,
ни улица, где он живёт.
Ищу, продираюсь сквозь темень
настойчивей день ото дня.
А он в то же самое время,
наверное, ищет меня.
Он словно потерянный ходит,
судьбу свою горько кляня.
И тоже меня не находит.
И так же страдает, как я.
Иду наудачу, плутаю.
Ищу, как иголку в стогу.
Но твёрдо одно только знаю,
что я без него не могу.
И так до скончания века
ищу одного, моего,
единственного человека.
А вы не встречали его?